

STUDIA RUSYCYSTYCZNE
Uniwersytetu Jana Kochanowskiego
TOM 22

RUSSIAN STUDIES
University of the Jan Kochanowski

Vol. 22

Edited by
Lidia Mazur-Mierzwa

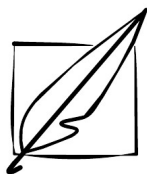
STUDIA RUSYCYSTYCZNE

Uniwersytetu Jana Kochanowskiego

TOM 22

Pod redakcją
Lidii Mazur-Mierzwy

Wydawnictwo
Uniwersytetu Jana Kochanowskiego
Kielce 2014

Kolegium Redakcyjne

prof. dr hab. Eleonora Lassan (Litwa)
prof. dr hab. Aleksiej Głazkow (Rosja)
prof. dr hab. Walentyna Gierasimczuk (Ukraina)
prof. UJK dr hab. Kazimiera Lis (Polska)
prof. UJK dr hab. Oleg Leszczak (Polska)
prof. UJK dr hab. Maria Żurek (Polska)

Recenzenci**Redaktor tematyczny****Redaktor językowy****Korekta****Formatowanie komputerowe**

Józef Bąkowski

Copyright © by Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, Kielce 2014

Wydawnictwo Uniwersytetu Jana Kochanowskiego
25–369 Kielce, ul. Żeromskiego 5
tel. 41 349–72–65
tel./fax 41 349–72–69
<http://www.ujk.edu.pl/wyd>
e-mail: wyd@ujk.edu.pl

Spis treści

JĘZYKOZNAWSTWO

A. Глазков (Москва) Категории текста	11
Michał Labashchuk (Bielsko-Biała) Категоризация понятийных и семиотических единиц	21
Kazimierz Luciński (Kielce) К вопросу о влиянии заимствованных языковых средств на ментальность лингвокультурного сообщества	33
Мирослава Малоха (Кельце) Tartufolo в зеркале славянской лексики и фразеологии на историко-культурном фоне	41
Палатовская Е.В. (Киев, Украина) Русское сложное предложение в аспекте когнитивных исследований	49
Юрий Ситько (Киев) К определению лексемного значения предлогов	55
Irina Rolak () Деловой дискурс как центральная категория обучения РЯДО	63

LITERATUROZNAWSTWO

Дзюба Елена (Нижний Новгород) Образ России в творчестве М. Д. Чулкова ...	73
Александр Юдин (Киев) Интерпретация и автоинтерпретация текста: к вопросу об авторских интенциях (А.П. Чехов <i>Иванов</i> , <i>Леший</i> , <i>Дядя Ваня</i>)	81
Н.М. Ильченко (Нижний Новгород) Русская романтическая повесть как источник знаний о «языке цветов» дворянской культуры	89
Joanna Nowakowska-Ozdoba (Kielce) Tradycja gotycka w noweli Aleksego Tołstoja <i>Spotkanie po trzystu latach</i>	97
Н.Е. Петрова, А.Н. Морева (Нижний Новгород) Прагматика современной литературной рецензии как разновидности медийного текста	105
Ludmiła Szewczenko (Kielce) Поэтика повседневности в русской прозе последних десятилетий	115
Е.Н. Широкова (Нижний Новгород) Абсурдные модели времени в прозе В. Пелевина	127
Irena Hubicka (Kielce) Kobieta na tropie zbrodni w kobiecej powieści kryminalnej (przyczynek)	135

Юрий Ситько
Киев

К определению лексемного значения предлогов

Проблема служебных слов решается чрезвычайно просто, если относиться к ней интуитивно. Такие признаки, как отсутствие номинативных значений у служебных слов и неспособность выполнять функцию члена предложения, несоответствие синтаксической функции и значения, стали даже предметом описания словарной статьи: «Как лексемы они лишены номинативных значений, присущих знаменательным словам, то есть не называют предметов, признаков, свойств, действий, их лексическое значение абстрагировано от отношений, которые они выражают в предложении» [1: 352]. Однако перед исследователем возникает серия вопросов. Например, у предлогов наблюдаются антонимические отношения в значении при декларации отсутствия значения предлогов вообще, кроме того, часто встречаются все более самостоятельные употребления в речи, особенно в устной, что ставит проблему их отношения к частям речи как к носителям лексических значений.

Целые направления лингвистики минувшего столетия были подчинены идее изучения языка в себе и для себя, аксиоматически утверждая понимание языка как замкнутой системы. Этот подход воплотился в одной из наиболее глубоко разработанных в лингвистике концепций служебных слов, которая свела проблему к описанию набора формальных грамматических свойств: «Закономерность такая: для частей речи важны только грамматические, не лексические показатели» [12: 118]. Последовательное развитие такого подхода закономерно приводит к идее сугубо грамматического статуса не только предлогов и служебных слов, но даже и частей речи, к редуцированию из идеи грамматического значения понятийного, собственно семантического компонента. На путях такой «лингвистической редукции» создаются довольно утонченные модели языка, ориентированные на разработку и осуществление формальных исследовательских процедур, которые оперируют языковым материалом и которые, как это с блеском показал А.Ф.Лосев, не соответствуют языковой системе. К таким теориям, которые являются логическим следствием идей А.Ф.Лосева о продукте лингвистического исследования как о модели объекта, принадлежат и последние работы представителей московской лингвистической традиции и идеи украинских языковедов.

Последовательное развитие идей лингвистического исследования как моделирования научного концепта воплощается в рассмотрении семантических явлений как про-

извольно соотнесенных объектов, которые являются своеобразной метафизической формой «пролиферации теорий». Так, М.Всеволодова в определении предлога стоит на *формально-позиционной* точке зрения, делая основной упор на описание предлогов через их синтаксические функции [4: 8-15]. Развитие такого подхода находим в риторической формуле: «Не будет ли проще, если эту формулу повернуть другой стороной и сказать: словоформы одного слова имеют общее лексическое значение?» [12: 122]. Как видим, моделирование допускает как зависимость словоформы (актуального) от слова (инвариантного), так и наоборот, в зависимости от удобства описания. Но это запутывает дело о самом предмете описания.

При анализе речевого употребления предлогов исследователи сосредотачиваются на результативном субстанциональном аспекте. Например, концепция М.Всеволодовой стремится к максимальной детализации описания и предоставления каждому типу употребления предлога статуса элемента системы, который выражается в описании значения предлогов как формантов синтаксических единиц. Эти идеи развивает М.Конюшкевич, опираясь на определение синтаксемы (минимальной синтаксической единицы) Г.А.Золотовой как единства категориального значения, морфологической формы и синтаксической функции, отмечает, что морфологическая форма выражается не только флективно, но и аналитически (например, предлогом или комплексом словоформ) и лексически [9: 76]. Эта точка зрения укладывается в идею описания предлога как сугубо синтаксического явления и вызывает редукцию значения предлогов к синтаксическим отношениям в речи. Следствием этого являются определения синтаксемы как инвариантной языковой единицы, которая включает в себя словоформы, элементы лексических значений и предлоги, что требует освещения вопроса о различении языковых единиц и их слагаемых. Такой подход значительно увеличивает количество инвариантных единиц языка, прибавляя к традиционным схемам (моделям) предложение и словосочетание. Последовательное развитие этой идеи требует для русского языка введения минимум 6 падежных синтаксем только для существительного не учитывая категории числа, количество же возможных комбинаций из предлога с падежными формами или грамматических категорий глагола в разы увеличивает сложность системы. Если же учесть еще и свойство языковых единиц вступать в системные отношения друг с другом и с единицами других уровней (подсистем), то возникает опасение значительного осложнения описания языковой системы. Принятие такого решения ставит дополнительные проблемы, начиная с формы хранения инвариантной информации в памяти, форм ее проявления в речи, признаков синтаксемы и словосочетания, объяснения явления слабого управления, различие или объединение в единую сущность конструкций типа *над / под / перед / за* + N_5 при учете их семантической разницы и т.д. Вместе с тем накопленные в этой концепции наблюдения чрезвычайно полезны. Так, М.Конюшкевич утверждает: «У предлога довольно много функций, но самой большой диагностической силой, на наш взгляд, наделена его синтаксеμοобразующая функция: предлог вместе с флексией или без нее (в соединении с наречиями, и не только с ними) является формантом синтаксемы, а следовательно, и маркером ее синтаксической позиции» [9: 76], чем ярко демонстрирует значимость синтаксического значения в структуре предложной и наречной семантики.

Исследователи проблемы предлогов, стремясь описывать инвариантные структуры языка, концентрируют свое внимание на *синтаксических механизмах* и роли в них предложно-падежных конструкций, то есть на *речевом и процессуальном аспекте* упо-

ребления предлогов, на проблеме «последовательного размежевания предложения как единицы языка (инварианта) и высказывания как единицы речи, одного из возможных вариантов предложения, выбор которого обусловлен конкретными задачами коммуникации» [15: 121]. Отметим, что такая точка зрения содержит проблему инвариантности и, следовательно, потерей четкого ориентира в определении и синтаксических, и семантических свойств объекта исследования. Поэтому неслучайно в цитированном исследовании так много внимания уделено статистическому методу. Кроме того, такой подход страдает довольно распространенной болезнью: концентрируясь на речи (актуальном) или языке (инвариантном), автор часто оставляет невыясненным механизм взаимодействия языка и речи и наоборот. Напротив, за механизмы принимаются *проявления* таких механизмов: «Особый интерес, по нашему мнению, представляют предложно-падежные комплексы в детерминантной позиции, которые распространяют предикативный комплекс в целом, не имеют четко закрепленной за ними позиции в структуре предложения, а потому принимают активное участие в реализации разных актуализационных механизмов» [15: 121], – и вместе с тем: «В результате проведенных подсчетов нам удалось установить, что частотность употребления лексикоморфологических сигнализаторов темы и ремы в составе предложно-именительных комплексов со значением причины является очень низкой» [15: 125]. Таким образом, необходимость и существование единиц справедливо провозглашаются очевидными, а природа и механизм их взаимодействия не объясняются никак, подобно тому, как циферблат часов намекает на наличие механизма, но никак его не характеризует. Важным результатом таких исследований мы считаем демонстрацию линейного характера механизмов порождения речи, которая позволяет определить линейность, как обязательный признак инвариантных механизмов речи, связанный с их инвариантным характером, то есть утверждение объединения в пределах одной языковой сущности линейности как свойства речи с инвариантностью как свойством языка.

В пределах синтаксического подхода находится и Н.В.Куш, однако, проблему значения предлогов для предложных эквивалентов она решает введением дейксиса в структуру значения, что может оказаться продуктивным и демонстрирует дрейф от формального подхода к семантическому: «За образом выражения действительности предложные эквиваленты являются т.н. дейктиками, служебными словами, которые имеют значение дейктичности (категориальное значение, которое в любом контексте остается неизменяемым). Лексическое значение дейктиков не зависит от ближайшего окружения сравнительно с первичными предлогами, лексическое значение которых регулируется другими членами синтагмы» [11: 94]. Такой подход интересен тем, что дейктические аналоги предлогов демонстрируют грамматическую семантику предлогов и вместе с ней могут быть негативным признаком неграмматической семантики. Н.Куш сводит значение предлогов и их эквивалентов к синтаксическим отношениям: «Описание семантики предложных эквивалентов – это определенная классификация всех случаев его употребления с учетом индивидуального падежного значения и ближайшего контекста. к основным семантическим группам предложных эквивалентов следует отнести обстоятельственные и атрибутивные (определятельные)» [11: 9]. По всей видимости, дейктические аналоги предлогов демонстрируют реляционную семантику, которая тесно связана с грамматическими средствами выражения и поэтому довольно сложно отделяется от последней. в этом плане позиция Н.В.Куш сближа-

ется с идеей Г.П.Цыганенко, предлагающей рассматривать лексическое значение как частный случай более универсального явления – лексемного значения: «Лексемным следует считать индивидуальное значение каждого отдельного слова, то есть то, чем по смыслу данное слово (лексема) отличается от всех других» [14: 41]. Особенности последнего мы рассмотрим ниже, а как промежуточный вывод в дополнение к положению о механизме языкового воплощения предлогов укажем на наличие в них лексемного значения, принципиально способного реализовываться и в дейктических словах, но отличающегося от лексического значения.

Рассмотренные концепции появились позже концепции И.Р.Выхованца, однако его взгляды удобнее рассмотреть после идей школы проф. М.В.Всеволодовой. в решении вопроса об инвариантном значении предлогов И.Р.Выхованец опирается на концепцию синтаксического значения Е.Куриловича. в своих исследованиях Выхованец не выходит за пределы реализаций предлогов в синтаксической функции, отмечая: «В синтаксическом ярусе языковой структуры предлоги функционируют как аналитические синтаксические морфемы, типичное назначение которых состоит в перевождении субстантива в наречную позицию» [2: 235]. Проблему выявления инвариантного значения предлога ученый переводит в плоскость выявления семантико-грамматических позиций предложных форм. Таким образом, по Выхованцу проблема инвариантного значения предлогов из плоскости речи (синтаксиса) переводится в плоскость морфо-синтаксических механизмов (языка). Вслед за Е.Куриловичем И.Р.Выхованец при выявлении инвариантных сущностей языка широко использует противопоставление первичной и вторичной функций. При этом первичную функцию (основное значение), например, предлога ученый считает образцовым и определяет так: «В основном значении четче всего выражается специфика предлога и его назначение в грамматической системе» [2: 236],— а задачу исследования формулирует таким образом: «Самое главное при определении семантической структуры предлога состоит в выделении его первичного (основного) значения, которое не определяется контекстом, и в выяснении природы вторичных значений, в которых под влиянием контекста частично или полностью нейтрализуется основное значение» [2: 237]. Вторичное значение предлога выступает как нейтрализованная реализация первичного значения. Нейтрализация при таком подходе понимается как своего рода деструкция языковой сущности в речи (контексте), поэтому она в данной концепции не помогает, а напротив, препятствует выявлению инвариантного значения. Значение предлога представлено у И.Р.Выхованца в виде бинарной иерархической структуры в которой актуальное значение в речи разрушает инвариантное языковое, общее значение. «В применении к предлогам как аналитическим синтаксическим морфемам категориальное значение указывает на семантику отношений, на отношение (в типичном функционировании, в первую очередь отношения пространственные, темпоральные и логические) аналитического наречия (адвербиализованного субстантива) к другим компонентам предложения или словосочетания» [2: 237-238]. Приведенное определение ценно тем, что указывает, во-первых, на тип значения (отношения) и характеризует его, а во-вторых, демонстрирует реляционный характер такого значения, соотнося его с субстантивом, то есть единицей со значением субстанции. Таким образом, регулярным семантическим свойством предлога на основании данных И.Р.Выхованца следует признать обозначение отношения субстанции к другим субстанциям или атрибутам.

Польский исследователь Ч.Лахур также считает, что семантика предлогов указывает на характер отношения между локализатором и предметом, называемым предложно-

падежной конструкцией [16: 96]. Наиболее ценной во взглядах Ч.Лахура мы считаем понимание значения предлога как типа отношения между актантами синтагматической номинативной единицы, то есть указание на отношения в пределах номинированного.

Эвристический подход к вопросу о значении предлога находим в концепции Г.П.Цыганенко. Г.П.Цыганенко, как говорилось выше, для обозначения семантики служебных слов предлагает ввести в систему представлений понятия лексемного значения: «Лексемным нужно считать индивидуальное значение каждого отдельного слова, то есть то, чем по смыслу это слово (лексема) отличается от всех остальных» [14: 41]. Приведенное положение при установлении значения языковых единиц вместо процедуры абстракции как отвлечения от несущественных свойств предмета или явления требует процедуры *обобщения как синтеза*, который объясняет и определяет признаки разных проявлений единицы. Такое обобщение требует противопоставления единицы другим однородным и неоднородным единицам, то есть установления позитивных и негативных признаков единицы, базируется на понимании лексического значения как нетождественного лексемному значению, разводя в значении единицы в качестве обозначаемого понятийную (внеязыковую) и модельную (внутриязыковую) информацию. Таким образом, вводя в систему понятия лексемного значения, Цыганенко предполагает признание за предлогами инвариантного значения, которое нетождественно значению самостоятельных слов по своей природе и требует специфических исследовательских процедур.

***

Представленный анализ позволяет перейти к обсуждению возможного функционально-прагматического решения вопроса.

Отметим, что речевые единицы являются проявлениями языковых (инвариантных) единиц. Поэтому, термин «слово», если считается, что он обозначает языковые явления, не может применяться к речевым единицам. Таким образом, любой речевой фрагмент можно рассматривать только как единицу речи, а не как единицу языка. Необходимым условием для этого является наличие в языке инвариантной единицы, которая соотносится с единицей речи. Поэтому практически любая речевая единица предполагает «удвоение сущностей», т.е. соотнесенную инвариантную языковую единицу. Относительно проблемы морфологической классификации единиц языка это значит, что отношение слова и словоформы охватывает не только слова, которые традиционно включают значимые (номинативные) единицы, но и служебные слова и междометия с соотнесенными с ними речевыми реализациями. Итак, мы утверждаем, что предлогам, союзам, частицам и, возможно, междометиям отвечают «словоформы» со статусом актуальных речевых единиц. Инвариантные единицы не тождественны речевым из-за принципиально иной природы. Более того, природа, значение и структура инвариантных единиц определяют форму и значение единиц речи, а не наоборот (во всяком случае в синхронном аспекте).

Таким образом, проблема выглядит так: речевые реализации служебных слов соотносятся со своими инвариантами, как слово соотносится со словоформой, и имеют определенные свойства (тип синтаксической связи, определенный тип словоформ, при которых встречаются данные единицы и т.д.). Поскольку каждая языковая единица соотносится с целым классом речевых единиц, которые различаются между собой, мы считаем необходимым постулировать ее синтетический характер как информации: она объединяет элементы, которые образуют разные реализации в речи. Такая инва-

риантная сущность, поскольку она является сложным агрегатом разной информации, с необходимостью должна быть структурирована.

Языковую (инвариантную) сущность следует рассматривать в двух аспектах: 1) как инвариантную субстанциональную (симультанную) информацию и как 2) инвариантную процессуальную (сукцессивную) информацию. Различение этих аспектов позволяет выделить из языковых сущностей 1) единицы как формы хранения и соотнесения между собой информации и соответствующие им 2) модели как алгоритмы применения такой информации к опыту в процессе построения (языковая деятельность по порождению языковых и речевых единиц) и сигнализации (речь) информации в коммуникации. Процессуальный аспект инвариантной информации функционально подчинен субстанциональному, поскольку он регулирует применение последней и, следовательно, в случае ее отсутствия теряет и объект своего применения, то есть перестает существовать. Процессуальная информация является проявлением субстанциональной и не может ей противоречить, однако это не означает, что результат ее применения является тождественным субстанциональной инвариантной информации. Напротив, он лишь связан с ней.

Несмотря на то, что инвариантное и актуальное не могут быть сведены одно к другому, разные инвариантные сущности языка обслуживают разные аспекты языковой деятельности от создания и хранения информации в инвариантном виде до воспроизведения информации в речи. Единицы, совсем лишенные признаков линейности, будучи сугубо языковыми образованиями, не представлены в опыте непосредственно. Модели же регулируют применение единиц в опыте и содержат в себе идею о последовательности элементов, которые соотносятся, и в этом плане представляют собой схему применения инвариантных единиц в речевом опыте. Мы считаем, что они имеют статус предикативных инвариантных единиц. Модели также могут наблюдаться только опосредованно, и степень этой опосредованности зависит от области применения модели. Любая модель необходимо содержит в себе в виде значения линейную (временную) составляющую как элемент опыта. Линейный характер механизмов порождения речи позволяет утверждать, что линейность является обязательным признаком механизмов речи, сопряженным с их инвариантным характером. Поэтому упомянутые выше «актуализационные механизмы» И.Щукиной представляют собой модели построения речи, с необходимостью соотнесенные с инвариантом как с означаемым, который мы предварительно назовем инвариантной информацией модели.

Применение последнего положения к проблеме служебных слов приводит к утверждению о размежевании процессуальной и субстанциональной информации, которая регулирует проявление предлогов в речи. Итак, для предлогов и союзов мы должны выдвинуть идею наличия субстанциональной (лексемной) и процессуальной (модельной) инвариантной информации. в этом плане любое служебное слово как языковая инвариантная сущность детерминирует все возможные свои проявления в речи, которые, собственно, и являются основанием для установления свойств рассмотренных единиц и моделей их применения в речи.

Предлагаемое решение требует освещения вопроса значения предлогов как лексемного значения. Если в соответствии со сформированной традицией понимать лексическое значение как соответствие в языковой системе понятию (концепту или наивному понятию), то, безусловно, лексемное значение ни в коем случае нельзя признать лексическим. в то же время значительный исследовательский материал, который

указывает на наличие у предлогов реляционной семантики, требует отождествить лексемное значение предлогов с реляционной семантикой. Значение предлога является типом отношения между акантами ситуации, которая номинируется в предложении. Такая семантика из-за своей природы может быть самостоятельной лишь настолько, насколько отношение не может быть самостоятельным от соотнесенного. Поэтому мы утверждаем, что, с одной стороны, лексемным значением (планом содержания) предлога следует признать реляцию, с другой же стороны планом содержания последней следует предположить внеязыковую (умственную) модель выделения отношения. Такое понимание требует разведения лексического значения и лексемного значения по признаку указания в значении единицы на понятийную (внеязыковую) и модельную (внутриязыковую) информацию.

Поставленная проблема может уточнить понимание предлогов как выразителей «дифференциации логико-смысловых отношений» [8: 129]. Однако, прояснение этого вопроса требует самостоятельного исследования.

Литература

1. Васильева Н.В. Служебные слова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 352-359.
2. Вихованець І.Р. Прийменникова система української мови. – К.: Наук. думка, 1980. – 285 с.
3. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. – М., 2000.
4. Всеволодова М. Предлог как грамматическая категория: проблемы дефиниции, типология, морфологические и синтаксические характеристики // Лінгвістичні студії. Вип. 9. – Донецьк: ДонНУ, 2002. – С.8-15.
5. Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. к основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Моск. ун-та, 2003, № 2. – С. 17-59.
6. Гак В.Г. к типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – С. 230-293.
7. Грищенко А.П. Прикметник в українській мові. – К.: Наук. думка, 1978.
8. Іваненко З. І. Система прийменникових конструкцій адвербіального значення, Київ – Одеса, 1981.
9. Конюшкевич М. Предлог как синтаксеомообразующий формант и структура синтаксемы // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Випуск 14. – Донецьк: ДонНУ, 2006. – С. 73-79.
10. Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962.
11. Куц Н. Прийменник: основні підходи вивчення, лексико-граматичні ознаки, перспективи дослідження // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Випуск 14. – Донецьк: ДонНУ, 2006. – С. 90-95.
12. Панков М.В. Позиционная морфология русского языка. – М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999.
13. Панков Ф. Проблема бифункциональности предлогов и наречий // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Випуск 13. – Донецьк: ДонНУ, 2005. – С. 88-96.
14. Цыганенко Г.П. Толково-сопоставительный словарь русских и украинских предлогов. – Алчевск: Донбасс-Медиа, 2006.
15. Щукіна І. Статус причинових прийменників у комунікативній структурі висловлення // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Випуск 14. – Донецьк: ДонНУ, 2006. – С. 121-125.

16. Lachur Cz. O jednym z fragmentow semantycznej kategorii ablatywnosci w jezykach slowianskich (na materiale jezyka polskiego) // Лінгвістичні студії: Зб. наук. праць. Випуск 14. – Донецьк: ДонНУ, 2006. – С. 95-98.

Юрий Ситько (Киев)

To definition of preposition's invariant lexical meaning

S u m m a r y

The article is focused on prepositions and their grammatical meaning in Russian language. Having studied the modern concepts of prepositional semantics the author makes a conclusion about a particular invariant lexical meaning prepositions have and which, on one hand, connects extralinguistic cognitive models and on the other hand, connects speech units.

Key words: parts of speech, grammatical words, preposition, meaning, model, thinking, notion, semantics, sign.

Статья посвящена рассмотрению вопроса о наличии не только грамматического значения у предлогов в русском языке. На основании анализа современных концепций предложной семантики автор приходит к выводу о наличии особого инвариантного лексемного значения у предлогов, которое связывает с одной стороны внеязыковые когнитивные модели и речевые единицы с другой.

Ключевые слова: части речи, служебные слова, предлог, значение, модель, мышление, понятие, семантика, знак.